

● ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

Загрязнившаяся одежда плохо пропускает воздух, не удерживает тепла, на ней скапливаются болезнетворные микробы.

На предприятиях химчистки с одежды удалят пыль и пятна, пропитают ее антибактерицидным составом. После обработки одежды на предприятиях химчистки одежда станет лучше отталкивать частицы пыли.

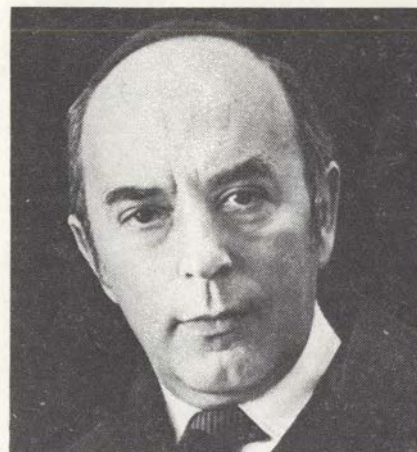
ЛУЧШИЙ СПОСОБ ВОССТАНОВИТЬ ГИГИЕНИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ОДЕЖДЫ — ХИМИЧЕСКАЯ ЧИСТКА.

Росбытреклама

№ 8

1988

Кирилл КОВАЛЬДЖИ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

ВЫСОКИЙ ДИАЛОГ

Кирилл КОВАЛЬДЖИ

ВЫСОКИЙ ДИАЛОГ

СТИХИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1988

Кирилл КОВАЛЬДЖИ

Кирилл Владимирович Ковальджи, поэт и прозаик, родился 14 марта 1930 г. в селе Каменское (Ташлык) на юге Бессарабии. Учился в Москве, окончил Литературный институт им. А. М. Горького в 1954 г. Работал журналистом в Кишиневе. С 1960 г. — в Москве.

Первый сборник стихотворений К. Ковальджи «Испытание» вышел в 1955 г. в Кишиневе, там же изданы его сборники «Лирика», «Разговор с любимой», «Человек моего поколения», «Стихи», «Испытание любви». Сборники «На рассвете» (1958), «Голоса» (1972), «После полудня» (1981), «Кольца годовые» (1981) вышли в Москве. К. Ковальджи — автор повести «Пять точек на карте» (1965), романа «Лиманские истории» (1970), ряда рассказов, критических статей, переводов из молдавской и румынской литературы.

Произведения К. Ковальджи переводились на разные языки. Отдельные издания вышли в Польше, Болгарии, Румынии.

В «Высокий диалог» вошли стихи разных лет.

СЛЕДЫ

Белый лес. Пугливая дремота
И морозный неподвижный дым.
Валенки и маленькие боты
На снегу оставили следы.

Валенки ступали в снег весомо,
Боты — как-то легче и нежней.
Вздогнула синица. Хрупким комом
Снег, шурша, осыпался с ветвей...

Маленькие боты вдруг пропали.
Не ищи — напрасные труды.
Валенки, однако, оставляли
Более глубокие следы.

ПЕРЕД РАЗЛУКОЙ

Город мой, твои новые соты
С каждым годом полней и щедрей.
Но куда-то зовут самолеты
Сыновей твоих и дочерей.
Свысока они смотрят на город,
С нетерпением ждут перемен.
Мир гремящий послушно наколот
На иглу их карманных антенн.
Снятся им города и победы,
Дела нет им до прошлой беды...
Зачарованы небом побегу,
О земле вспоминают — плоды.
Говорит понимающе город:
— Мне остаться пора позади.
Уходи от меня. Ты мне дорог,
Потому от меня уходи.

Я привык быть любимым и брошенным,
Потому что я только гнездо.
Порывая со мною, как с прошлым,
От меня не уходит никто.
Разбивают сперва, но остатки
Собирают по крохам опять.
Уходи, уходи без оглядки,
Забывай, чтоб потом вспоминать.
Уходя и бывшее гоня,
Огорчишь меня, но не обидишь:
Коль останешься — возненавидишь,
А покинешь — полюбишь меня...
— Я люблю тебя цельно и слитно,
И мне больно от этой любви,
Потому что любовь беззащитна
Перед смертью, войной и людьми.
Но завидная выпала участь,
И я счастлив от этой любви —
В ней единственной скрыта живучесть
Жизни, родины, цели, семьи.

ЛИЧНОЕ СЧАСТЬЕ

Люди часто от счастья молчат,
Поневоле от боли кричат...

Счастье,
Откуда ты к нам прилетело?
Ты — и дум и желаний согласие.
Все исполнилось. Все — до предела.
В тишине полночного часа
Теплота любимого тела,
Полнота полусонного счастья.

Мы вдвоем. Ничего нам не нужно...

В этом городе южном, нешумном и душном,
Мы нашли переулок укромный,
В комнатенке наемной
Ночевали впервые...

Мы молчали. Плескалась волна на причале.
Шли часы. Ливень лил. Мы молчали.
Просыхали, курясь, мостовые...

И в молчанье бездонном
Обозначился звук. Появился не вдруг.
Не заметили мы, где возник этот звук,
Но потом он прорвался отчетливым стоном.

Этой боли мы были соседи!
Тонким песенным голосом меди
Недалекая
Долго звенела труба,
Одинокая пела судьба.

До окна дотянулась, хватаясь за сучья,
Встала рядом и к сердцу она поднялась.
Неожиданно оборвалась,
И молчанье росло, ожиданием мучая.

Мы молчали. Плескалась волна на причале...
И опять заметалась, от боли слепа,
О своей бессловесной печали
Одинокую трубила труба.
Что ж ты хочешь от нас? Разве мы виноваты?
Разве мы отказались кому-то помочь?
Разве мы не страдали когда-то?
Разве мы виноваты, что счастье нашли в эту ночь?

БАЛЛАДА О ЛЮБВИ

*Влюбленные крылаты —
Они летать умеют,
Влюбленные рассеянны —
их можно обокрасть...*

Она была в белом свитере,
он в расстегнутом пиджаке,
но это не важно...
Говорят, что влюбленные витают в облаках.
И действительно люди видели,
что они поднялись по ступенькам
и улетели в небо...
Под крылом самолета синели поля и леса
и сгущались облака вдалеке,

но она глядела в его глаза
и тихо гладила его по щеке,
и он говорил ей губами что-то
и не слышали оба,
как грянул гром,
как взревел мотор самолета,
как приближалась гроза.

И тогда
решился воришка
(и в небе бывают воришки!) —
он у влюбленных стянул, озираясь,
кажется, сумочку и пиджак,
но это не важно:
воришкам бывает на руку
любовь, и гроза, и мрак.

Потом обнаглел воришка
и обобрал их до нитки.
Не осталось на них ничего,
как на старинных картинах —
он обнимал ее белые плечи,
и она обнимала его.

А когда молния
обожгла крыло самолета
и он камнем пошел к земле,
заметался во мгле воришка —
не хотелось ему умирать,
а девушка тихо гладила
любимого по щеке.

И самолет разбился
с грохотом, в ярком пламени,
и воришка сгорел с барахлом в руке,
а двое влюбленных
удивленно глядели друг другу в глаза,
девушка тихо гладила любимого по щеке...

ЧУДО-69

В тихой комнате у телевизора
человек с пересаженным сердцем
(сам он чудо) увидел чудо:
человек ступил на Луну.

Если такое люди сумели,
что же будет потом?

А потом Армстронг покидает Луну,
а потом умирает Блайберг,
и все становится на свои места,
все остается по-прежнему:
голодный голоден, сытый сыт,
убитый убит и печаль печальна,
несовместимости несовместимы,
невыносимое невыносимо,
нерешенное не решено,
Луна на луне, а Земля на земле;
бьют отцы сыновей за неправду,
а за правду карают отцы государств,
круглосуточно радиостанции
танцевальную музыку передают...

Все по-прежнему.

Но ведь человек
с пересаженным сердцем
все-таки видел
человека, ступившего на Луну!

* * *

Нет каналов на Марсе,
Их и не было вовсе.
Не надейся, не майся,
Просто с этим освойся.

Нет идеи канала,
Нет лобастых на Марсе,
Нету даже канавы,
Где бы пьяный валялся.

Там не строят программу
Оживить астероид...
Грустно даже, что яму
Там друг другу не роют.

Ожидается скука
Марсианской стоянки.

Значит, здравствуй, наука,
И прощай, марсианка!

Не плывет по каналу,
Не встречает соседа —
Пропадают сигналы
В пустоте без ответа.

Одиноко до дрожи
Зря по космосу шарить.
С горя стал мне дороже
Наш единственный шарик...

МУЗЕЙ ВОСКОВЫХ ФИГУР

Знаменитости всей Земли
для любопытной публики:
наверху — короли,
внизу — преступники.
Полюса империи —
низкий лоб и чело.
Наверху — полубоги,
внизу — полузвери,
добро и зло...
Кому — петля, плаха,
стул электрический,
кому — бархат,
золото,
серебро.
Венценосцы, ваши величества,
это очень хитро,
зло ведь — просто вопрос количества,
много зла —
переходит в добро,
в государственное,
коронованное,
каменное,
кованое...

Но сверху срываются изредка
и на плаху падают в обмороке,
но снизу врываются изверги,
и на троны садятся оборотни...

Дорогая мадам Тюссо,
зал властителей,
комната ужасов,
верх и низ,
ад и рай —
колесо,
и оно, понимаете, кружится!

Даже самый живучий подлец
умирает наконец...
Но обидно,
что чаще всего
достигает почтенного возраста
и в последний путь
проводжают его
рыдания Шопена и Моцарта...

ВЫСОКИЙ ДИАЛОГ

— Что ты чувствуешь, перелетая
из столицы в столицу,
длинноногая и молодая
современная птица?
Ты умеешь, хозяйка салона
в поднебесном наряде,
улыбаться легко, отрешенно
на свистящем снаряде.
Ты спокойна без точки опоры,
без земли под ногами,
заставляешь поверить в моторы,
завладевшие нами.
И когда повелительным жестом
призываешь к порядку,
я, покорно пристегнутый к креслу,
свято верю в посадку.
Верю я невидимкам-пилотам,
скрытым наглухо дверью,
доверяю железным расчетам,
в расписание верю.
Верю: все обернется удачей
и поможет нам случай

на планете летучей, горячей,
начиненной горючим.
Осмотрительный мир не завьсит
полномочий прогресса...
— От меня ничего не завьсит, —
говорит стьюдесса. —
Я освоилась жить в этом гаме,
а работа простая —
я работаю за облаками,
в облаках не витая.
Над полетом, войною и миром,
над судьбой я невластна,
леденцы раздаю пассажирам
над зияньем пространства.
Мощь турбин меня
с птицей не сблизит, —
до нее не возвьсит.
От меня ничего не завьсит,
ничего не завьсит...

ТИХОЙ НОЧЬЮ

Налетит одинокое горе,
и такое молчанье везде,
что скалу опрокидывай в море —
и круги не пойдут по воде.
Тихой ночью немые набаты,
надрываясь, кричат в тишине.
Человечество не виновато,
улыбаются люди во сне.

Ну а если б случилось такое,
разбегалась кругами беда —
не видать бы ни сна, ни покоя
никому, нигде, никогда.

Ночью черною белую вату
раздают, чтобы уши заткнуть.
С этой ватою невиновато
человечество может уснуть.

Но пока хоть один, кто не хочет
этой мудрой ночной глухоты,
просыпается вдруг среди ночи —
есть спасенье еще от беды.

* * *

Весь мир говорит о России.

Немеряное пространство
с тобой в стране иной,
и каждый твой чих усилен
акустикой государства,
оставшегося за спиной.

Россия, Москва, Советы,
Россия, Советы, Москва..
К тебе, обогнув планету,
летит рикошетом молва,
поскольку Россия — большая,
любой из ее шагов
покачивает полушария
Земли, как чаши весов.

* * *

Мне чудится, что под землей
убитый в первой мировой
солдат все ищет, ищет сына,
убитого солдата во второй.

Отделены от воздуха и неба,
в той безысходной темноте
они друг друга ищут слепо —
навек ровесники в беде.

Залюбовались небом дети,
растут, мечтая на рассвете
взлететь к затерянной звезде...

Но те солдаты беспокойны,
они во тьме считают войны:
довольно! внуков бы не встретить
в той темноте, в той слепоте...

ПОТРЕБИТЕЛИ

Дураки, потребители счастья,
по велению суетных дней,
мы общаемся большей частью
не с людьми,

а с частями людей.

Спрос на каждого уже и уже,
человек расчленяться привык:
спрос на души, на туши, на уши,
спрос на руки, на мозг, на язык.
Воспевая в гармонию веру,
потребляет нас некая власть,
составляет себя, как химеру,
отдирая от каждого часть.
Погрустишь, коль поставлен на место,
похрустишь — да в прокрустову щель.
Если каждый для каждого средство —
изгоняется средствами цель.

Горожане,

рабы-каторжане
функций, долга, взаимных услуг,
мы спешим под машинное ржанье
в одиночества

массовый круг.

Мы, рабы потребительской страсти,
шлем своих большеглазых детей
в мир,

прогрессом разъятый на части,
заселенный частями людей...

Но недаром ребеночка холит
мать

и зыблет его колыбель,
и младенец устами глаголет —
он, который не средство,

а цель.

* * *

Почерствело мое поколение.
Спрос упал у друзей, у жены:
Поэтические предложения
Им все меньше и меньше нужны.

Все нам некогда. Лишнее к лешему!
Взрослый возраст суров и тернист.
Мой ровесник теперь — конь обьеженный,
Не на каждый оглянется свист.

Ценит только реальные ценности
И не бродит уже до зари,
Набирается дельности, цельности,
Позитивности, черт побори.

Не приемлет ни меда, ни ругани,
Смотрит в корень и знает свой век.
Непростительно быть не на уровне
Умудренных и тертых коллег.

Им под стать просветленная оптика.
Но добавь, не сбиваясь на лесть:
Кроме мудрости, трезвости, опыта,
Кое-что еще все-таки есть...

УМНАЯ ПЕСЕНКА

Шепчут черти прожорливой челяди:
налетай, уплетай и хватай...

А по-божески —
на три четверти
свой насущный съедай каравай.

Всем дорваться до счастья не терпится,
но не верь философии рта,
ты вычерпывай
на три четверти,
помни, нет за чертой ни черта.

Слаще полночи зори вечерние,
ты срывай, но не с корнем, цветы.
Обнаженная
на три четверти —
обнаженной любой наготы.

Что вы, умники, формулы чертите?
Знает правду живая земля:
больше целого
лишь три четверти,
половинчатость хуже нуля.

* * *

Убедить невозможно ее:
Аргументы — пустые скорлупки.
Понимает она, как зверек, —
Интонации, жесты, поступки.

Ведь она не из рода владык —
Из породы отзывчивых ланей,
Внятен ей лишь природный язык
Состязаний, игры и желаний.

Доказать ничего ей нельзя,
Как нельзя доказать снегопаду,
Что ты ждешь не метелей, а радуг...

Чтобы с ливнем беседовать, надо
Самому быть таким, как гроза.

Доказать ей нельзя ничего,
Ничего ей нельзя доказать,

Лишь свобода умеет связать,
Лишь неведение и баловство,
И нечаянное волшебство...

* * *

С какой силой защищаешь ты свои слабости,
с каким умом отстаиваешь свои глупости,
с какой искренностью — свою наигранность,
с какой нетерпимостью — свое терпение,
с какой болью, жалостью, милостью
казнишь ты меня
и себя!

* * *

Ты правдой считаешь отлив
и всю обнаженность отлива.
Я правдой считаю прилив.
Упрямо хочу быть счастливым.
И каждый по-своему прав,

и нет победителя в споре.
Нам поровну правду раздав,
качается медленно море...

МАСТЕР ВРЕМЕНИ

— Почини-ка мне, мастер, часы:
то замрут, как пустые весы,
то мелькают с разгона,
точно окна вагона;
почини мои скучные дни —
дольше вечности длятся они,
а счастливые ночи
воробыиного носа короче...

Возвращает мне мастер часы,
усмехаясь в усы:

— Стрелки жизнь твою уравнила,
им отныне ни скучно, ни весело,
но и прежнее время не врет,
время движется наоборот;
вот разгадка волшебного сдвига —
оглянись-ка на тысячи дней,
те, что вечности были длинней:
с них не выжмешь и мига,
ну, а редкие ночи
длятся век без износа,
те, что были короче
воробыиного носа...

* * *

Это просто стихи ни о чем
это легкая зыбь настроения,
это дальние тени старения
появляются солнечным днем,

до меня дотянуться не могут;
я спокоен, любим и влюблен...

Но встречаю я с завистью сон,
где я снова несчастен и молод...

Совсем закружили дела.
На кухне чистила доску,
Никак соскрести не могла
Розовую полосу.
Водила ножом невольно
И вдруг поняла виновато,
Что это полоска заката...
О чем ей напомнил закат?

МОЯ ЗНАКОМАЯ

Не выносит она одиночества, —
с глазу на глаз с собой оставаясь,
испуганно обнаруживает,
что не может найти себя.

Так растерянно
повисает вода в невесомости,
так отчаивается зеркало
в темноте.

ОХОТНИК

Знаешь ты безотказное средство,
чтобы сразу к ногам красота.
От зрачка через мушку до сердца —
несомненна твоя прямота.

На лету, свою цель карауля,
в пустоту ты спускаешь курок:
знаешь — встретятся сердце и пуля,
видишь будущее, как пророк.

Мастерство твое с примесью скуки
и небрежности... Как бы шала,
и синицу хватаешь ты в руки,
и с небес достаешь журавля.

Но подбитая птица — не птица,
птица может быть только живой,
ей дичиться и ей приручиться...
Ты в руках не держал ни одной.

Небо в сговоре с жизнью. Веками
подменяет добычу земля:
торжествуя, хватаешь руками
несиницу и нежуравля.

* * *

Боль промыла глаза,
и ничтожное стало ничтожным,
и по-старому жить невозможно,
если только дожить до утра...

Боль промыла глаза
и незримое вдруг обнаружила,
и единственный смысл
проступил, как в тумане гора,
и обрушился дом,
ветром выдуло всякую шушеру
и мишуру,
и в степи пустой —
человек нагой,
а заря над горой
остра...

Отступается боль,
и мгновенье прощается с вечностью,
и секунды затикали,
и чириканье птиц со двора —
все вернулось к себе,
вещь опять облекается вещностью,
и кровать нерушима,
и шерсть одеяла добра.

Отступается боль —
можно снова привычному радоваться,
и возможно опять
за дела свои братья с утра,
улыбаться друзьям
и порою спокойно оглядываться
на окно, где стоит
за надежным туманом
гора.

Ночь упрямо заводит пластинку,
От нее — ни покоя, ни сна:
Ничего до конца не постигну,
Не узнаю, не выпью до дна.
Сожаленье томит все сильнее,
Но заветные сети не рви —
Лучше слепо любить Дульсинею,
Чем всю правду узнать о любви.

И познание тоже — не догма.
Есть во всем заповедный порог.
Лучше сладко печалиться:
мог бы! —
Чем узнать, что нарушить не мог.

Коли так — то собраться бы с духом
И признать благодать рубежа...
По ночам между плотью и духом
Просвещенная бьется душа.

ЗОДЧИЙ

Зодчий был неказист и рассеян,
невелик пред величием дворца...
Удивляются ротозеи,
что творение выше творца.

Невдомек им, что чувствует зодчий:
пробегают по коже мороз —
накануне
бессонной ночью
он творенье свое
перерос.

СЛЕД

Да или нет говорю —
и меняется что-то вокруг,
человека я другом назвал —
и он вырос вдруг,
и крепче стало пожатие рук;

врага я назвал подлецом —
он запомнит меня навсегда,
как помнит холод вода,
принимая законченный образ льда.

Без меня —

дни не те и не те вечера,
я целовал женщину —
и она не такая уже, как вчера,
я нарисовал небо —
и оно не такое уже, как везде,
все будут видеть небо таким,
как на моем холсте,
шепот леса я записал на нотном листе,
и всякий отныне в шепоте леса
слышит песню с нотной бумаги,
я наделил смыслом
бессмысленный знак —
и всякий отныне видит смысл в этом знаке.

Я в землю уйду,
когда настанет пора,
и она не будет такая уже, как вчера,
и если сотрет мой след на песке
неустанное море, по всему
побережью скользя, —
след все-таки был,
а это стереть нельзя.

* * *

Что утверждают деревья?
На старом дереве листва
Так молода, как и на том
Соседнем, самом молодом.

У всех, пока любовь жива,
Под солнцем равные права.
Душа, как в первый день, нова,
Пока рождаются слова.

Простая правда такова.

Внезапно кончается лето,
хотя еще солнце в глаза
и светится белая лента
прибоя, и вся бирюза
ведет себя великолепно.
Внезапно кончается лето
за два с половиной часа.
Приснилось, наверное, это —
и море, и тридцать в тени.
Проснулся — проверка билета,
табло, застегните ремни.
Сплеча отсекается лето.
У всех пассажиров плащи
уже наготове. В Москве-то
промогзлая хмарь и дожди...
Сказать бы мне вслед за спортсменом,
соседом, сосущим лимон:
хвала скоростям современным,
прыжкам из сезона в сезон!
Но в сердце тревога и смута,
как будто измена кому-то,
когда обрывается круто
и лето, и песня, и сон.

ПАМЯТЬ

В том царстве, где все не впервые,
где новости все не новы,
иначе живут, чем живые,
и мертвые там не мертвы.

Смыкаются годы с годами,
и ливень по ливню сечёт...
Как Цезарь стареющий, память
теряет владениям счет.

Движенье всегда без движенья
томительной правит страной,
и только игра светотени
меняется вместе со мной.

Держава, где так надоело,
что все направленья — назад.
Часы не стучат. И без тела
Там бродит душа наугад.

К тому, что меня обступило,
нельзя повернуться спиной,
и все, что немило и мило,
не хочет погибнуть со мной.

* * *

В прах превращусь. Но я-то не из праха
Был сотворен. Душа — не из огня...
Мне кажется, что смерть — всего лишь плаха,
Где отсекают тело от меня.
В живую пряжу солнечная пряжа
Вплела мой луч. Живую связь храня,
Я вижу свет. Комок любви и страха,
Любая дура-птаха мне родня.

Вся твердь земная — смерть. Металл и камень.
А я из тех, кто наделен глазами,
В которые Вселенная течет,
Чтоб стать живой, чтоб выйти из горнила
Глазастой... Твердь меня не породила,
Но как смириться, что меня сожрет?

* * *

*Моя звезда меня ведет,
пока не упадет.*

Я глазами держу
эту капельку красную
на оси мирового колодца,
я всем зрением
чувствую связь ненепрасную:
отвернусь — оборвется
и в лопатку мою угодит
искрой малой,
слева выступит на груди
каплей алой...

МАКС ВОЛОШИН

Не ради почести и денег,
а потому, что был — поэт
и всех собратьев современник
в той области, где тленья нет,
на берегу, на точке крайней
старел, писал и рисовал,
был в буднях будничным, но втайне
бок о бок с вечностью стоял.
И женщине и государству
заполучить его сполна
не удалось из-за пространства,
в котором солнце и луна.
Других не хуже и не лучше,
он потому и был поэт,
что мог он рыбою летучей
пересекать границу сред.

СОНЕТ

Прошло почти два года с того чистого понедельника...
И. Бунин

Несбывшегося не перебороть.
Еще ты жив, седого снега пленник...
Он был однажды — чистый понедельник,
да не судил узнать его господь.

Есть тайный дух и явственная плоть.
День миновал. Ты музыки изменник.
Ты князем был, теперь ты старый мельник,
ты ворон, вор, отрезанный ломоть.

Что будет дальше? Музыка без звука,
пруд без русалки, тетива без лука,
несбывшегося медленная месть.

И в книге той, где все пути и сроки,
тебе предуготовленные строки
зачеркнуты — вовек их не прочесть.

* * *

Когда до учебных пособий
докатишься в славе своей,
окажешься в мире подобий
и выйдешь на свет без теней.

От жизни останутся даты,
вопросы получают ответ,
стихи обратятся в цитаты,
лицо превратится в портрет.

Побудь же у славы в оттуле,
поспорь со своею судьбой,
пока тебе рот не заткнули
строкой, сочиненной тобой.

* * *

Ты белкой в России была,
доверчиво-дикой была ты,
была ты ручной и крылатой,
крылатой, не зная крыла,
летела в лесные палаты,
где рдели сквозные закаты
и молча сгорали дотла.

Пушистый комочек тепла,
ты жалась во мраке дупла,
когда сентябри моросили,
не знала ни бедствий России,
ни боли сознания, ни зла.
Я помню, что было когда-то:
жила, не была виновата,
за что и откуда расплата,
зачем с пепелища заката
летит золотая зола?

Россия, Россия, Россия...
Постой, раздвигается мгла.
Я сна не увижу красивой,

чем тот, когда где-то в России
ты белкой лесною была

Откуда удары набата,
чья это беда и утрата,
по ком это — колокола?
По веткам горящим бежала,
сквозь пламя — живая стрела...

В глазах твоих отблеск пожара,
неведомой боли игла.

НАИВНАЯ РЕПЛИКА

Вы говорите:

энергия
не исчезает, хоть и растрачивается,
просто формой другой
оборачивается.

Вы говорите:

облако, лужица,
пламя, дым; прошлогодний снег,
пропадая, опять обнаруживаются,
стоит только напасть на след.

Вы говорите:

закон сохранения
касается и нашего тела,
не исчезающего после захоронения —
тела, когда душа отлетела...

Впрочем, стоп! Изо всех энергий
лишь сознание, как призрак некий, —
утверждаете вы, — на лету
превращается в пустоту!

Где же логика, люди сведущие, —
прах пребудет, исчезнет дух?
Не оскорбляйте чувства неверующих,
не говорите глупости вслух!

ГОЛОГРАФИЯ

Стеклянный куб. Он лицами облеплен.
Размыты рты, приплюснуты носы:
Там двое извиваются, как стебли,
Качаются прекрасные весы.

Тела отборной молодой красы
Лежат устало, взоры их ослепли...
Сеанс. В определенные часы.
А реквием и скорбен и серебрян.

Волшебники Парижа и Нью-Йорка
Сменили соблазнительно и горько
Хрустальный кубок на стеклянный куб.

Вокруг щемящей тайны двух влюбленных
Теперь скользят по стеклам миллионы
Носов приплюснутых, размытых губ.

СЕЯТЕЛЬ

Бродит слепой сеятель,
по ночам семена бросает:
со всего размаха налево,
со всего размаха направо.

И из тех, что упали на землю,
вырастают живые люди,
а из тех, что упали на камни,
вырастают каменные боги.

На рассвете живые люди
поклоняются каменным идолам,
а днем разбивают их вдребезги
и, взявшись за руки, пляшут.

Но в полночь выходит сеятель,
опять семена бросает:
со всего размаха налево,
со всего размаха направо...

ГОЛУБЬ ГОРОДСКОЙ

Между дышащей угаром
мостовою и толпой
по бордюру тротуара
ходит голубь городской,

ходит голубь городской
тупо, словно заводной,
и глаза его стеклятся
деловитою тоской.

Он на крошки, на окурок
смотрит косо, как придурок,
он не видит и не слышит
ни колес, ни каблуков,
перегаром пыльным дышит,
существует будь здоров.

Я, спешащий на автобус,
так на голубя гляжу,
как господь на этот глобус,
где, как голубь, я хожу
на краю судьбины ломкой,
ах, по лезвию, по кромке,
по черте, по рубежу...

* * *

Люди делятся
на мужчин и женщин,
на белых и черных,
на военных и штатских,
на друзей и врагов,
на мудрецов и тупиц,
на начальников и подчиненных,
на молчаливиков и проповедников,
на бездельников и мастеров,
на именитых и безымянных,
на трезвых и пьяных,
на водителей и пешеходов,

на властителей и бродяг,
на зрителей и небожителей,
на любовников и супругов,
на родителей и детей,
на носителей разных идей...

Люди сами и кем-то делятся,
иногда это правильно делается,
но от меченого песка
вдруг такая тоска,
что немедленно хочется лично
из отдельных песчинок,
из праха
сотворить человека
вторично.

* * *

К слову «женщина» —
отклик: «божественна»
и дрожащее эхо:
«желание»,
рикошетом звучит:
«жена»,
а прислушаться:
«женственность — жертвенность»,
вечный колокол:
«женщина — жизнь».

* * *

Я своими руками хочу развести
друг от друга подальше
саблю и горло,
пулю и сердце,
топор и тополь,
пламя и знамя,
любовь и кровь, —
постойте, не смейте
притягиваться
и рифмоваться!

БАЛЛАДА О ДОМЕ

Как я жил? Я строил дом
на песке. Волна смывала,
только в детстве — горя мало,
если можно все сначала
и неважно, что потом...

Шел по жизни с другом рядом,
с женщиной встречался взглядом,
оставался с ней вдвоем, —
занят был одним обрядом:
возводил незримо дом.

— Непоэты строят дом,
а поэт рожден бездомным,
одержимым, неумным,
жить он призван под огромным,
под вселенским колпаком...

— Но война повинна в том,
что всю жизнь я строил дом.
Шла война стальным парадом
по садам и по оградам,
двери высадив прикладом,
сапогами, кулаком.
Что я мог? Я строил дом.
Спорил с холодом, огнем,
снегопадом, бурей, градом,
смертью, голодом, разладом,
одиначеством и адом:
что б ни делал — строил дом,

чтобы дети жили в нем,
чтобы женскою улыбкой
он светился день за днем...

Стены дома в жизни зыбкой
я удерживал с трудом.
Хороши снаружи стены,
изнутри — нехороши,
и чреватые чувством плена
одомашненной души.

Парадоксы — аксиома,
это женщине знакомо,
той, что за и против дома,
что бунтует и в тоске
молча делает проломы
в стенах и на потолке,
а еще — взрослеют дети
и мечтают на рассвете
дом покинуть налегке...

Я любим и ты любима,
злые ветры дуют мимо,
но душа неизъяснима,
все мы строим на песке...
Я меняюсь вместе с домом,
он просвечен окоемом,
мировым ночным объемом —
дом висит на волоске,
он спасется — невесомым,
рухнет, если — на замке.

Я хожу теперь по краю,
ничего теперь не знаю,
но перед любим судом

буду прав. Я строил дом.

ОТРЫВОК

...Люди любят возмущаться
то соседом, то женой,
то соседнею страной.
Вождь любил распоряжаться
этой склонностью дурной.
Долго вождь невозмутимый
возмущаться нас учил:
без огня, мол, нету дыма...

Сколько дыма напустил!
Дым дурманящий и горький
до сих пор нам ест глаза,
до сих пор спирает горло —
закрывать окно нельзя.

НА ПЕРЕВАЛЕ

Только взглядом
в три четверти жизни длиной
мир увидишь как таковой,
и не кадры отдельные — цельную съемку,
где т е п е р ь превратилось в д а в н о —
непрерывно от предка к потомку
на глазах моих делалось это кино.

Содержание жизни и форму
постигая достаточно долго,
я, пожалуй, выполнил норму
основного житейского долга.
Что сказать вам, идущие следом?
Окончательный вывод неведом,
кроме вкуса полыни и меда.
Я стою на пороге смущенный
запоздалым чувством свободы,
чувством ветра, весны зеленой,
удивленный, как в первые годы.
Детской веры своей не откину,
не отрину и опыт прозренья...

Созерцающий видит картину,
созидающий видит творенье.

СОДЕРЖАНИЕ

Следы	3
Перед разлукой	3
Личное счастье	4
Баллада о любви	5
Чудо-69	6
«Нет каналов на Марсе...»	7
Музей восковых фигур	8
Высокий диалог	9
Тихой ночью	10
«Весь мир говорит о России...»	11
«Мне чудится, что под землей...»	11
Потребители	12
«Почерствело мое поколение...»	12
Умная песенка	13
«Убедить невозможно ее...»	14
«С какой силой...»	14
«Ты правдой считаешь отлив...»	14
Мастер времени	15
«Это просто стихи ни о чем...»	15
«Совсем закружили дела...»	16
Моя знакомая	16
Охотник	16
«Боль промыла глаза...»	17
«Ночь упрямо заводит пластинку...»	18
Зодчий	18
След	18
«Что утверждают деревья?...»	19
«Внезапно кончается лето...»	20
Память	20
«В прах превращусь...»	21
«Я глазами держу...»	21
Макс Волошин	22

Сонет	22
«Когда до учебных пособий...»	23
«Ты белкой в России была...»	23
Наивная реплика	24
Голография	25
Сеятель	25
Голубь городской	26
«Люди делятся...»	26
«К слову «женщина»...»	27
«Я своими руками...»	27
Баллада о доме	28
Отрывок	29
На перевале	30

Кирилл Владимирович КОВАЛЬДЖИ

ВЫСОКИЙ ДИАЛОГ

Стихи

Редактор М. М. Жигалова

Технический редактор Т. Е. Авдеева

Сдано в набор 01.12.87. Подписано к печати 25.01.88. А 11704. Формат 70 × 108¹/₃₂.
 Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40.
 Усл. кр.-отт. 1,58. Учетно-изд. л. 1,47. Тираж 150000 экз. Зак. № 1687. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Лени-
 на издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.